

Ярослав Анатольевич ГОЛУБИНОВ / Iaroslav GOLUBINOV

| Память о войне: парадоксы забвения / Memory of War: Paradox of Forgetting |

Ярослав Анатольевич ГОЛУБИНОВ / Iaroslav GOLUBINOV

*Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия
Кафедра философии и культурологии
Доцент, кандидат исторических наук*

*Samara State Medical University, Samara, Russia
Department of Philosophy and Cultural Studies
Assistant Professor, Ph.D. in History
jaricleiv@gmail.com*

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ: ПАРАДОКСЫ ЗАБВЕНИЯ

MEMORY OF WAR: PARADOX OF FORGETTING

Первая мировая война предстает перед нами как особое пространство, «место памяти» (П. Нора), структурирующее и упорядочивающее картину мира всего народа в целом, имеющее свое идеальное измерение, свою ментальную карту, в которой можно выделить следующие основные аспекты: радость и надежда, разочарование, непонимание, усталость, гнев и, наконец, отторжение и забвение. История Первой мировой войны ценна тем, что она демифологизирована. С ней не связаны никакие политические амбиции и расчеты политиков, желающих заполучить очки популярности у электората. Постмодернистские же игры используют ее как фон, не затрагивая сути. В силу этого, представляется возможным использовать этот уникальный шанс, с тем, чтобы заново сформировать память о ней и ввести ее в поле российской культуры.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, общество, память, забвение.

The article is devoted to the problem of cultural memory and forgetting. The main case of the article is concerned with social memory processes of the First World War in modern Russian society. The Great War was completely repressed in Russian memory for many years. But now this war is the good example of memory constructing without massive ideological suppression.

Key words: the First World War, Russia, society, memory, oblivion.

Советская цивилизация с момента победы большевиков смотрела вперед. Все, что в прошлом, что не вписывалось в проектирование будущего, не принималось во внимание. Признание героев Великой Отечественной войны было связано, несомненно, с их участием в защите советского строя, а также с тем, что эта война и связанный с ней культ памяти получили политиче-

скую природу и использовались властью как эффективное средство сплочения советского народа. И бывшие советские граждане, как показывают события последних лет, все еще ищут (и находят) точки соприкосновения со смертями той войны и значением культа, который служит и нынешней политической элите для пропаганды патриотизма.

Ярослав Анатольевич ГОЛУБИНОВ / Iaroslav GOLUBINOV

| Память о войне: парадоксы забвения / Memory of War: Paradox of Forgetting |

Но ведь до Великой Отечественной была у России и Первая мировая война. Обе они кардинально изменили жизнь России. Несмотря на это, одна из них оказалась прочно забыта и получила несмыслаемое клеймо «империалистической» бойни, тогда как другая стала «народной», вечным символом героизма жителей нашей страны.

Павшие в 1941-1945 гг. получили достойные почести в виде памятных мест и захоронений, тогда как на месте Московского городского братского кладбища, принявшего погибших на Восточном фронте Первой мировой офицеров, солдат, военных врачей, братьев и сестер милосердия, был построен кинотеатр (со символическим названием «Ленинград»)¹. И все же, должно же было остаться в культурной памяти нечто, что не давало воспоминаниям о Первой мировой войне уйти, раствориться в пучине мелких житейских невзгод.

Память может сохраняться двумя путями – она может быть неотъемлемой частью сознания, постоянно показывающей, кто мы такие и кем были, а может быть навязываема сверху через систему государственного аппарата, через тотальный учет всего, что связано с событиями прошлого. В первом случае, по словам Пьера Нора, память – это «жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления»². Во втором – это история, «всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет», которая изгоняет воспоминание из священного, делает его прозаическим, взывает к интеллектуальному и критическому дискурсу.

Пьер Нора также добавляет, что «память порождается той социальной группой, которую она спланивает, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, ... что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна». История же принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием. И вот, когда память уничтожается, ей на смену приходит история со своими местами памяти, «которые рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит — нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными»³.

На наш взгляд, в России память о Первой мировой войне не сумела стать ни первым, ни вторым. Она заняла некое промежуточное положение далеко спрятанного исторического события. Народ не принял и не запомнил войну (а социальная группа – ветераны, – которая могла бы это сделать, просто исчезла), старая власть не успела ее увековечить через специальные механизмы меморизации, а новая власть не нуждалась в воспоминаниях, расхившихся с построением нового общества. Память о Первой мировой у нас настолько тонка и незрима, что в специальных исследованиях, посвященных национальной памяти о ней и поиску общих для Европы черт, о России даже не упоминается⁴.

Первая мировая стала призраком, скитающимся по страницам учебных пособий, нескольких романов С.Н. Сергеева-Ценского и немногочисленных (даже после того, как к ней начали проявлять умеренный интерес в 1950-1980 гг.) научных трудов. В современной России наблюдается пока больший интерес к войне 1914-1918 гг. (за прошедшие с 1991 г. два десятилетия состоялось больше конференций, чем за весь советский период), выпускаются сборники статей и документов,

¹ Орловски Д. Война и память // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 50.

² Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб., 1999. С. 20.

³ Там же. С. 26.

⁴ Орловски Д. Война и память // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 56.

Ярослав Анатольевич ГОЛУБИНОВ / Iaroslav GOLUBINOV

| Память о войне: парадоксы забвения / Memory of War: Paradox of Forgetting |

активно работают с сюжетами, связанными с влиянием Великой войны на ту или иную губернию, историки-краеведы. Это связано, по-видимому, с поисками, воспользуемся словами С. Говорухина, «России, которую мы потеряли».

Но даже в этом случае память о войне не приобретает сколько-нибудь зримых черт (это один из парадоксов – горы страниц, исписанных историками по поводу Первой мировой, не производят никакого впечатления на общества, тогда как ничтожнейшее упоминание Второй мировой вызывает яростные споры). Попытки возрождения мемориалов и выпуск специальных книг с перечнем погибших настолько редки⁵, что выглядят нонсенсом и игнорируются обществом⁶. А возвращение войны в большую литературу («Красное Колесо» Солженицына) в общем осталось незамеченным читающей публикой, ей тяжело читать этот большой и подавляющий своими смыслами роман-хронику. Попытка Солженицына создать нечто, что было бы «Войной и миром» XX века, не удалась.

Первая мировая привлекла к себе некоторое внимание посредством произведений массовой культуры – телесериалов («Гибель Империи»), кинофильмов («Гарпадум»), компьютерных игр («Антанта»), романов популярных писателей (сериалы Бориса Акунина). Таким образом, она становится своего рода постмодернистской войной, войной текстов, кодов, символов.

⁵ Запоздалое покаяние: В воскресенье на Братском кладбище помянут павших на Первой мировой войне // Новые известия. 30.07.2004. URL:

<http://www.newizv.ru/news/2004-07-30/8713/>. Проверено: 21.07.2010; Вчера исполнилось 90 лет со дня окончания Первой мировой войны: В Царском Селе открыли гранитную стелу, посвященную памяти русских воинов // Русская линия. 12.11.2008.

URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=179622>. Проверено: 21.07.2010; В Рязани первой появится "Книга памяти 1914-1918 годов" // Новости Рязани/Городские. 8.09.2009. URL: <http://www.rzn.info/news/city/32612/>. Проверено: 20.07.2010.

⁶ Не есть ли подобное проявление забвения одна из важных черт русского национального характера? Умение забывать не менее важно, чем умение помнить.

Риторическими являются вопросы о том, почему, пережив две мировые войны, мы помним только одну из них? Почему Первая мировая война не смогла стать по-настоящему «Второй Отечественной», как пыталась представить ее русская патриотическая печать той эпохи?

Наши поиски ответов на эти вопросы уведут нас в область теоретической культурологии. Отечественные философы и культурологи давно занимаются этой проблемой, поскольку поиск парадигм русской (да и не только русской) культуры, ее основных черт, неизбежно наводит на мысли о странных абберациях исторической памяти. В конце 1990-х годов Ю. М. Лотман писал, что «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению»⁷.

Забвение Первой мировой войны связано, на наш взгляд, не только с деятельностью советского государства, поддерживавшего ту или иную версию истории, а значит, определенные культурные формы и жанры (ведь по М.М. Бахтину: «Жанр – память культуры»⁸). Советская культура вообще избирательно относилась к меморизации прошлого, что мы связываем обычно с ее политической доктриной, сталинской деспотией, конъюнктурными моментами и т.п. Но избирательность присуща процессам культурного развития самых разных культурных эпох. Избирательность – это и есть «память культуры». И потому в ней надо искать идентификационные закономерности исторической памяти.

Таким образом, Первая мировая война предстает перед нами как особое пространство,

⁷ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200-202.

⁸ Формула идеально отвечает анализу общих процессов кристаллизации культурного опыта в определенных формах и жанрах, позволяющих отобрать – создать – сформировать «память культуры». См., например статью Е.Я. Бурлиной о динамике культурного развития: Бурлина Е.Я. Бытие страны в зеркале жанров: русская культура второй половины 19-го века // Альманах «St-LaPlan». Самара, 2005.

Ярослав Анатольевич ГОЛУБИНОВ / Iaroslav GOLUBINOV

| Память о войне: парадоксы забвения / Memory of War: Paradox of Forgetting |

«место памяти» (П. Нора), структурирующее и упорядочивающее картину мира народа в целом, имеющее свое идеальное измерение, ментальную карту, в которой можно выделить следующие основные аспекты: радость и надежда, разочарование, непонимание, усталость, гнев и, наконец, отторжение и забвение.

Война была, как это ни странно, встречена с энтузиазмом и радостью во всех странах. По меткому замечанию Э. Хобсбаума, это был первый и последний раз в истории, когда «народы Европы, хоть и ненадолго, преисполнились желанием с легким сердцем отправиться на всемирную бойню в качестве пушечного мяса»⁹. И в странах Тройственного союза, и в странах Антанты мобилизации были проведены в рекордно короткий срок с минимумом уклонившихся от призыва. Надежда на короткую войну окрыляла всех.

В самом своем начале «война во имя конца всех войн» имела для миллионов людей явственные черты какого-то большого и яркого праздника (стоит вспомнить яркую униформу, которая быстро поблекнет и будет сменена на неброские защитные цвета)¹⁰. Для русских призывников (а 90% среди них были крестьяне) мобилизация прежде всего означала смену их статуса, поскольку в глазах общины они приближались к власти, потому следовало уважать их право «гулять» перед отправкой в армию¹¹. Ведь война «делает почетным не только убийство врага, но и целый комплекс поступков и настроений, которые осуждает мораль гражданской жизни и которые родители запрещают ребенку, а общественное мнение и законы – взрослому»¹². Потому самым большим по числу происшествий стали разгромы винных лавок, с последующим распитием найденной там водки, угрозы от-

рубщикам и вымогание денег, оскорбление и побои чинов полиции. В этих случаях, по мнению одного из исследователей, отсутствие внятно изложенных перспектив (народ все-таки не до конца понимал, за что он воюет) с тяжелой войной оживили стереотипы негативной, разбойничье-погромной активности¹³. Хотя он же подчеркивал, что значительная часть призывников шла на фронт добровольцами и была готова к трудностям¹⁴.

Очень скоро война изменила психологию солдат, воспитанных в традиционных ценностях, патриархальной морали. Армейская машина ломала новобранцев, большинство из которых были мало- или неграмотны, ставила их в невыносимые для них условия существования. «Здесь ты ровно ребенок малый», – прорывалось у солдат, – «что велют, то и делай. И думать ничего не приказано, здесь одной думкой ничего не сделаешь. Одна машина, что я – то Илья, что Евсей – то все»¹⁵. И «люди с ружьями» отвечали на это неприятием войны, стремлением уйти в мыслях назад, к оставленному хозяйству и семье¹⁶.

Долго, конечно, эксплуатировать такое терпение солдатской массы было нельзя. Уже ко второму году войны у фронтовиков накопилась психологическая усталость и разочарование. На это накладывались перебои со снабжением оружием («у них масса минометов и ручных бомб... наше начальство даже и стрелять частенько запрещает»), обмундированием («и на солдата я не похож, какое-то чучело страшное») и, самое главное, плохое питание¹⁷. Перлюстрация солдатских писем на во-

⁹ Хобсбаум Э. Век Империи. 1875-1914. Ростов-на-Дону, 1999. С. 468.

¹⁰ Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003. С. 278.

¹¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия русского революционного насилия. М., 1997. С. 27.

¹² Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003. С. 279.

¹³ Посадский, А.В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года : (На материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 104.

¹⁴ Посадский, А.В. Большинство населения было готово на жертвы // Военно-исторический журнал. М., 2001. № 9. С. 65-67.

¹⁵ Федорченко С.З. Народ на войне. М., 1990. С. 77.

¹⁶ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 194.

¹⁷ По мнению В.П. Булдакова, не будь плохой еды, русский солдат воевал бы, не задумываясь. И здесь накап-

Ярослав Анатольевич ГОЛУБИНОВ / Iaroslav GOLUBINOV

| Память о войне: парадоксы забвения / Memory of War: Paradox of Forgetting |

енно-цензорских пунктах давала очень мрачную картину повседневной жизни защитников Отечества (но следует все-таки принимать в расчет, что она может и не соответствовать истинному положению вещей, но так солдаты воспринимали войну). В письмах последних лет войны солдаты безадресно задают вопросы: «Сколько крови пролито? Какие результаты достигнуты? Кто больше страдает в эту войну? При решении этих вопросов руки опускаются, и уныние заполняет душу»¹⁸. И смысл жизни каждого солдата, особенно с 1916 г., заключался только в одном единственном слове – мир. А война? А «войну люди скоро забудут»¹⁹. Уныние и апатия овладели армией.

В тылу абсолютно все слои были настроены критически по отношению к правительству, а значит и к войне, развязанной им. В первую очередь сложившееся экономическое положение оценивалось как губительное для России: «из Петрограда плохо видно то ужасающее состояние, в котором находится тыл... к весне ранней ждуть голода форменного», «рабочие готовят (в Москве – Я.Г.) забастовку не ради бунта, а из-за голода... день-деньской – хвосты (т.е. очереди в лавках – Я.Г.)... у нас все холодно и голодно»²⁰. Медленно и верно копился гнев против тех, кто потворствовал и призывал вести ее до победного конца.

В деревне ситуация складывалась не лучшим образом. Среди общественных деятелей в 1914-1917 годы активно дискутировалась проблема влияния войны на экономическое положение российской деревни. Основным пунктом разногласия был вопрос: «Богатеет ли деревня?». Он появился и

на страницах газет и журналов того времени²¹. Можно привести в качестве примера две типичные статьи, представлявшие противоположные позиции, в журнале «Вестник пензенского земства».

Одна из них была написана земцем Н. Езерским в середине 1915 г.²² Он видел причины возросшего благосостояния деревни в запрещении продажи водки, в повышении цен на продукты сельского хозяйства (а сами крестьяне мало страдали без городских товаров – они привыкли «сжимать свое потребление даже в существенном, по одежке протягивай ножки»), в повышении платы за работу в помещичьих экономиях, в том, что в деревню прямо или косвенно текли казенные деньги (пайки семьям ушедших на фронт, скупка продуктов беженцами и лазаретами). «Вот отчего деньги на селе накапливаются и кредитные товарищества не знают, куда девать вклады. Вот одно из глубоких коренных причин, почему деревня спокойно и твердо настроена; ... нет массового страдания, ужасной безысходной нужды», – заключал Езерский.

Противоположная точка зрения представлена в написанном годом позже и опубликованном в том же журнале письме крестьянина В. Янина из с. Титово, Нижне-Ломовского уезда. По его утверждению, только те крестьяне, у которых еще оставались работники, и могли немного заработать на повышении цен на хлеб. Но даже они были вынуждены тратить деньги только на самые необходимые товары, которые теперь стоили значительно дороже, чем до войны. Значительная же часть вкладов в кредитных товариществах и сберегательных кассах принадлежала торговцам и лавочникам, которые, пользуясь благоприятным для них временем дороговизны, «дерут немилосердно за каждую пуговицу, запугивая несведущих покупателей и покупателей»²³. Но главными вкладчиками являлись

ливалась обида – «царь не приказывал нас голодом морить».

¹⁸ Цит. по: Локтева Н.А. Фронтовые письма как источник для изучения морального и патриотического духа солдат Первой мировой войны // Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 105.

¹⁹ Федорченко С.З. Указ. соч. С. 78.

²⁰ Цит. по: Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 161.

²¹ См. Самарский земледелец. Самара, 1916. №7. С.221.

²² Вестник пензенского земства. Пенза, 1915. № 49-50. С.858.

²³ Вестник пензенского земства. Пенза, 1916. №29-30. С.373.

Ярослав Анатольевич ГОЛУБИНОВ / Iaroslav GOLUBINOV

| Память о войне: парадоксы забвения / Memory of War: Paradox of Forgetting |

жены призванных из состоятельных хозяйств. Выдававшиеся им пайки были во много раз ниже по ценности ушедшей рабочей силы. По уходе из хозяйства работника-мужчины, женщина не могла справиться со скотиной, а нанять стороннего помощника ввиду дороговизны было невозможно, и она решалась распродать всю свою скотину, оставив себе только корову (да и то не каждая хозяйка), а также сельскохозяйственный инвентарь. Мнение, что крестьяне стали носить дорогие платья и обувь, покупать дорогие конфеты и шоколад, Янин называл не соответствующим действительности. Если это и наблюдалось, то главным образом, среди крестьян-мастеровых, которые жили в городах. Сельское население вынуждено было, по его словам, ограничить себя в потреблении даже традиционных продуктов – каши, яиц, масла. Таким образом, Янин делал вывод: «крестьянство в массе своей беднеет»²⁴. И это мнение находило все больше сторонников среди крестьянства (ситуация менялась от губернии к губернии).

Историк В.С. Измозик верно подытожил, что «вне зависимости от того, насколько все эти высказывания соответствовали реальному положению дел, они передавали совпадавшее по сути экономическое самоощущение людей из различных социальных, национальных и политических групп»²⁵.

Но любую войну можно облагородить с помощью искусства, внушить мысль о необходимости жертвовать собой ради высших идеалов, научить восхищаться героическими подвигами. Поэты, писатели, художники, композиторы, а также школьные учителя, вечные воспитатели граждан-патриотов, всегда могут одернуть жалующихся обывателей:

«Молчи, несносный дуралей,
Мир не видал побед славней!»²⁶

Грандиозность побед – в этом и состоит единственно возможное оправдание войны, которую нельзя оправдать ничем, но когда надо идти воевать, люди поднимаются и делают это, принося на алтарь истории своей страны свои жизни. Первая мировая – одна из немногих войн в русской истории, которая лишена подобного оправдания. Она не имеет своего мифологического образа. Она не родила литературных героев. В народном сознании она не родила героев вообще (а попытки навязать таковых, вроде казака Федора Крючкова или Христофора Шухмина, путем распространения лубочной литературы с треском провалились)²⁷. Исторические исследования о Первой мировой войне не обращают внимания на отдельных героев, и вообще термин сам по себе может казаться неуместным в связи с этой войной. Кажется, все согласились с поэтом Александром Блоком, который в 1916 г. признался: «Сегодня я понял наконец ясно, что отличительное свойство этой войны – невеликость (невысокое)... она всех “прозаичнее”»²⁸. Как тут не вспомнить слова Карела Чапека о прекращении войны вследствие падения общественного интереса к ней. Обыватель устал от войны и вспоминал о ней только тогда, когда не мог получить привычные продукты, такие как сахар, чай или мясо. Когда под угрозой оказался и хлеб, случилась революция.

Отечественная художественная литература о Первой мировой войне страшно бедна, скорее мы вспомним давно популярные произведения Э.М. Ремарка, Анри Барбюса, Ярослава Гашека, Ричарда Олдингтона, Эрнеста Хемингуэя или Матэ Залка

²⁴ Этот тезис полностью поддерживался оппозиционно настроенной частью политического истеблишмента, а потом стал традиционным для советской историографии.

²⁵ Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 163.

²⁶ Саути Р. Бленгеймский бой // Эолова арфа. Антология баллады. М., 1989. С. 249.

²⁷ Хеллман, Бен. Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 305, 312.

²⁸ Блок А. Записные книжки (1901-1920). М., 1965. С. 283.

Ярослав Анатольевич ГОЛУБИНОВ / Iaroslav GOLUBINOV

| Память о войне: парадоксы забвения / Memory of War: Paradox of Forgetting |

(сейчас к этому списку прибавился Эрнст Юнгер), нежели русские романы и повести о Первой мировой войне. Литераторы просто не заметили войны. Большинство предпочло отсидеться в столицах, продолжая свои старые разговоры. Если бы историкам в качестве источника знаний о военных годах остались только литературные, драматические произведения, дневники и письма лучших российских литераторов, то о факте Первой мировой войны и участии в ней России можно было бы догадаться с трудом. Многие ни разу не обмолвились о войне²⁹. Те же, кого война коснулась лично (А. Ахматова, С. Есенин), отозвались двумя-тремя обращениями к этой теме. Большое место война заняла лишь в творчестве левых литераторов (В. Маяковский, Д. Бедный) и малоизвестных тогда национальных писателей из западных губерний, мест боев, человеческих страданий и военного разорения.

Хотя нельзя огульно обвинять интеллигенцию в отсутствии патриотизма. На фронт добровольцами уходили художники и артисты, писатели и поэты, учителя и врачи, юристы и инженеры: чуть более 3700 человек³⁰. Среди них В. Вересаев, С. Черный, Н. Гумилев. Рядом с ними в качестве вольноопределяющихся воевали сотни студентов высших учебных заведений, представители «рядовых» интеллигентских профессий (врачи, учителя, агрономы).

Часть патриотически-настроенной интеллигенции видела свой долг в сборе материалов, которые послужили бы основой для написания истории Великой войны³¹. Так, педагоги киевского Фрёбелевского общества организовали сбор детских рисунков, посвященных войне, а фельдшер из крестьян

В.И. Симаков занялся записью традиционных и новых солдатских песен. Известный историк С.Ф. Платонов, работавший во Всероссийском комитете для оказания помощи пострадавшим от военных действий, предложил начать заниматься тем, что мы сейчас называем «устной историей», а именно воссозданием картины беженского движения по рассказам людей, перемещенных из своих родных мест в глубь страны, с приобщением их дневников, писем, рисунков. Подобная работа была инициирована и Татьянинским комитетом, а также рядом еврейских общественных деятелей.

Власть тоже старалась увековечить память о войне. Еще в 1913 г. в Царском Селе была заложена Государева Ратная палата, задуманная как пантеон воинской славы Отечества – музей для хранения военных трофеев и исторических документов, иллюстрирующих успехи России в войнах с древних времен³². Там же предполагалось устроить и мемориал в честь погибших в войне 1914-1918 гг.

Однако эти усилия канули в лету, поскольку после Октября 1917 г. все работы были окончательно свернуты, а страна медленно и верно погрузилась в пучину хаоса Гражданской войны. Немногочисленные мероприятия новой власти по изучению Первой мировой войны ограничились созданием особой Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 гг., в ее состав вошли такие видные теоретики и историки военного искусства, как А.А. Свечин, А.М. Зайончковский, А.А. Брусилов³³. За несколько лет Комиссия подготовила и выпустила «Краткий стратегический

²⁹ Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 61, 62.

³⁰ Смирнов Н.Н. Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 263.

³¹ Gatrell P. Russia's First World War: a social and economic history. L.: Pearson-Longman, 2005. P. 255.

³² Введенский Г. Возродится ли Ратная палата? // Санкт-Петербургские ведомости. 16.06.2008. № 107. URL: http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10250948@SV_Articles. Проверено: 20.07.2010.

³³ Тархова Н.С. Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 гг.) // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 7-8 сентября 2004 г.). М.: Наука, 2006. С. 28.

Ярослав Анатольевич ГОЛУБИНОВ / Iaroslav GOLUBINOV

| Память о войне: парадоксы забвения / Memory of War: Paradox of Forgetting |

очерк войны 1914-1918 гг. Русский фронт», а также «Стратегический очерк войны 1914-1918 гг.»³⁴, охвативший весь ход мировой войны на восточноевропейском театре, от ее возникновения и почти до конца. Важно отметить чисто утилитарную роль Комиссии. Она не предназначена была для увековечивания памяти Великой войны, но лишь для того, чтобы осветить важные моменты в развитии военной науки. В подобном ключе работала и созданная в 1920 г. Комиссия по исследованию влияния войны на народное здоровье³⁵.

Повсюду в Европе создавались ветеранские общества, открывались величественные мемориалы (вроде Могилы неизвестного солдата в Париже или Кенотафа и Имперского военного музея в Лондоне), устанавливались дни памяти погибших в Великой войне. Лишь в России вернувшиеся наконец с полей сражений Гражданской войны ветераны теперь уже не Второй Отечественной, а «империалистической» войны не получили никаких почестей. В упоминавшейся Ратной палате в 1917 году после Февральской революции было завершено возведение всего комплекса зданий, создана экспозиция – и народный музей войны 1914–1917 гг. открывает свои двери для посетителей. Но в 1919 году музей был закрыт. В годы революционных свершений некоторые экспонаты музея были вывезены из Царского Села, рассредоточены по государственным хранилищам, некоторые уничтожены, а некоторые просто разворованы³⁶. Немногочисленные ветеранские сообщества и музейные

коллекции были созданы лишь офицерами и нижними чинами, эмигрировавшими из России.

Один современный исследователь пишет, что трагедия Первой мировой войны заключалась для России в том, что она оказалась забытой войной и не превратилась в мифологическое действие, и в результате не родился, не появился Человек, а явился зверь, что «войны без мифа – самые страшные и бессмысленные войны человеческой цивилизации»³⁷. Эта бессмысленность и оттолкнула народ, создала образ чудовищной мясорубки, в которой погибали ни в чем не повинные люди. Неприятие и отторжение стали символами Первой мировой войны.

Таким образом, как мы увидели, в русской культуре нет образа этой войны – ни народ, ни интеллигенция не горели желанием вспоминать эту бойню. К тому же есть и историческое оправдание – после Первой мировой войны в России началась революция, а затем Гражданская война, вконец голодом и разрухой. Пришедшие же к власти большевики презирали эту войну, они вычеркнули ее из истории, а военные и патриотические темы были зарезервированы ими для многочисленных вождей и героев революции и Гражданской войны³⁸.

В такой ситуации история Первой мировой войны как раз и ценна тем, что она демифологизирована, полностью открыта научному поиску. С ней не связаны никакие политические амбиции и расчеты политиков, желающих заполучить очки популярности у электората. Постмодернистские же игры используют ее как фон, не затрагивая сути. Потому мы должны использовать этот уникальный шанс, данный нам историей, чтобы трезво и непредвзято взглянуть на эту войну и постараться вывести ее из забвения, заново сформировать память о ней и ввести ее в поле российской культуры.

³⁴ См. Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. В 7 частях. М., 1922.

³⁵ Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства во время мировой войны 1914-1918 гг. М.-Л., 1929. С. 7. Эта книга по сути единственный советский ответ на фундаментальную и ставшую классической «Русскую серию» «Экономической и социальной истории мировой войны» Фонда Карнеги.

³⁶ Введенский Г. Возродится ли Ратная палата? // Санкт-Петербургские ведомости. 16.06.2008. № 107. URL: http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10250948@SV_Articles. Проверено: 20.07.2010.

³⁷ Глузман С.А. Ментальное пространство России. СПб., 2010. С. 137.

³⁸ Орловски Д. Война и память // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 54.

